

ейра лежала в темноте, теребя хрустальное кольцо. Её больше не терзали сомнения; она точно знала, что делать, и просто ждала своего часа. Она ждала — и крутила кольцо на пальце, словно считая секунды до того мгновенья, когда можно будет действовать.

Кольцо попало к ней не больше четырех часов назад, но уже стало частью её самой. Она поворачивала хрустальный круг на четверть оборота, чтобы каждый раз наверху оказывался следующий конь — вороной, белый, рыжий, бледный. А вдруг и её мать тоже имела привычку так вертеть кольцо?

Ее мать.

Нурбану была матерью для Фейры во всем, кроме имени. Да, она будет горевать по ней, когда пройдет потрясение, но ей не нужно было по-новому оценивать их отношения. Были взаимная любовь и уважение, объятия, ободрения, множество часов, проведенных вместе; больше, чем могла ожидать любая другая дочь. Фейра не мучила себя невысказанными признаниями. Все самое важное прозвучало в те последние страшные часы, как и то, что хранилось в тайне двадцать лет до этого. Единственное, о чем сожалела Фейра, — это о том, что мама не успела подробнее рассказать ей об этих всадниках. О вороном коне, который её отец должен был доставить в Венецию, и о том, что ей самой предстояло сделать.

Наконец, на улице всё стихло. Пора.

Фейра встала, тихо, как кошка. Ей не пришлось одеваться, потому что она так и не разделась, но она решила всё же полностью укрыть лицо вуалью под шапкой. На этот раз она скрывала не свою красоту, а свое имя.

Бесшумно открыла она оконные створки и ажурные ставни, возле которых стояла ещё утром. Кизляр-ага не догадался поставить стражу за домом. Она тихо соскочила на крышу сарая, где соседи держали своих коз. Жалкие создания заблеяли. На неё пахнуло их вонью. Боязливо ахнув, Фейра спустилась на темную улицу. Скользнув за угол, она увидела, что на улице ни души, и со всех ног бросилась к пристани. Там, оглушенная биением собственного сердца, она увидела в лунном свете нагромождение сотен остовов деревянных кораблей, мачты которых, словно вражеские копыя, преграждали ей путь. Как она найдет судно, на котором плывет отец? В каждое плавание он отправлялся на новом корабле. А вдруг он уже уплыл?

В отчаянии она бродила по гавани, читая безумные, помпезные названия, которые люди давали кораблям, — глупое бахвальство победой в битвах. Может, ей тайком пробраться на одну из лодок — на любую лодку и рискнуть уплыть с той командой, с которой сведет её судьба, или вернуться домой, а утром отправиться в гарем? Фейра знала, какими могут быть мужчины. Она понимала, что её ждет — единственную женщину на борту незнакомого корабля без защиты отца. Но разве это хуже того, что ожидает её в гареме? Она станет игрушкой одного мужчины, а не двадцати, но этот мужчина — её брат и вдобавок чудовище. Выбора не было.

Но только она собралась повернуть назад в последний раз, как заметила название, написанное желтой краской на корабле: *“Il Cavaliere”*. Этот отличался от остальных прямыми бревенчатыми боками и украшенным носом и был похож на иностранный. Нурбану не забыла научить её буквам — это слово по-венециански означало просто «всадник».

Фейра спряталась за горой бочек и присмотрелась. Трап был опущен. При свете целого ряда факелов, закрепленных на портовой стене, два матроса из команды её отца грузили на корабль разные устройства и припасы, которые забирали со склада на причале. Она подумала, не попросить ли их проводить её к капитану, но, зная, что там будет кизляр-ага, решила этого не делать, и стала внимательно наблюдать за матросами, которые ходили туда-обратно, туда-обратно. Корабли с детства были для неё местом для игр, и в свое время она исследовала не один трюм, зачарованная бочками и ящиками с грузом, которые там находила. Обычно в трюм попадают через проем на палубе, но такого, как на этом венецианском купеческом корабле, она ещё никогда не видела: двери в трюм открывались наружу, чтобы груз можно было таскать прямо с пристани — через двойные двери, которые герметично запирались высоко над ватерлинией. Трап вел прямо к темному проходу.

В гареме, когда Фейра лечила наложниц, она любила повторять, что самое лучшее решение зачастую оказывается самым простым. Так и было. Выждав удобный момент, она проскользнула, как тень, по трапу вверх — и прямо в темное чрево корабля.

Она опустилась на пол в просторном темном помещении, примостившись за тюками с зерном, и приготовилась ждать. На неё накидали ещё несколько тюков, ей стало жарко и тяжело. Её медицинский пояс — старый друг, давно уже превратившийся в часть её тела, больно давил на талию и ребра. Она подумала, что будет, если одна из бутылочек разобьется, поранив её осколками, а ещё хуже — если её содержимое попадет в кровь: эти лекарства при превышении дозы становились смертельными.

В довершение всего лицо ей сдавливала грубая парусина. Она испугалась, что может просто задохнуться. Пока не было матросов, Фейра проделала себе отверстие для воздуха и устроилась поудобнее. В отблесках простой лампы, висевшей на подпорках, она разглядела, что весь груз с про-

довольствием складывали только с одной стороны трюма, поэтому её и зажали тюками. В носовой части трюма было место, огороженное муслиновой занавеской и отделенное от продовольственных запасов несколькими футами пустого пространства нетёсаных половых досок.

Наконец, Фейра сумела высвободиться от ужасающей тяжести, которая придавила её, и оглядеться. В полумраке трюма она стала осматривать тюки и бочки в поисках опознавательных знаков и смертоносного груза, который должен был везти её отец, — что-то связанное с конем, что-то черное. Было ещё кое-что странное: вместо привычной на корабле провизии — пеммикана и галет — в тюках были прекрасные твердые сыры, свежее мясо и белая мука высшего качества. Она протянула руку к кормовой части, протискиваясь через тюки, и почувствовала, как под её пальцами зашуршало зерно.

Когда матросы заходили в трюм, она старалась не издавать ни звука, даже не дышать. Но все же один из грузчиков насторожился: он опустил бочку и выпрямился, подняв предупредительно руку с неуклюжими пальцами, чтобы его товарищ прислушался.

— Что случилось? — спросил тот, опуская свою бочку.

— Я слышал шум, — шепнул первый, с хорошим слухом, — оттуда.

Он показал на бочки, за которыми сидела Фейра. Сердце у неё готово было вырваться из груди. Пот с кончиков пальцев стекал прямо на зерно.

— Должно быть, крыса, — сказал второй. — Тебе всегда что-то мерещится.

— Крыса? Оторвать бы тебе никчемные твои уши. Разве ты не слышал приказ капитана? Никаких животных на борту — тут даже корабельного кота нет. Так что придется самим её найти.

— Почему никаких животных?

— Я не знаю. Это как-то связано с грузом.

— Ладно. Давай поищем, если надо, но нас ещё ждет главный груз.

Они подошли так близко, что Фейра почувствовала резкий козлий запах — один из матросов, по-видимому, прежде работал пастухом. Второй, который видел намного лучше, чем слышал, посмотрел прямо на Фейру и воскликнул: «Нашел! А ну-ка иди сюда, негодница!».

Фейра отпрянула, но вдруг матрос поднял с пола огромную крысу, черную, скользкую, лоснящуюся, как масло, и визжащую от страха. Он свернул ей шею, и снова наступила тишина. Матрос перекинул длинное тельце через плечо, словно мешок, и понес его наружу, в ночь, сопровождаемый своим остроухим товарищем.

Фейра вздохнула с облегчением, сердце её колотилось.

Внезапный удар, суматоха и проклятия заставили её насторожиться: матросам предстояло загрузить ещё что-то. Что-то тяжелое. Она видела, как четверо мужчин несли свою ношу на плечах — так несут гроб на похоронах.

Саркофаг.

Все носильщики были закрыты покрывалами. Могло показаться, что это знак уважения к тому, кого они несли, если бы не их поведение и речь. Носильщики раскачивали и ударяли ящик, жалуясь на его тяжесть и изрыгая проклятия так, что Фейра убедилась: они не могли нести тело. Саркофаг, украшенный цветными узорами, был, кажется, из серебра или свинца — из какого-то метала, который светился слабым серым светом. Носильщики, ворча, кряхтя и бранясь, отнесли его за муслиновые занавески и с грохотом опустили на дощатый пол, а затем поспешно ушли, забрав с собой факел. Воцарилась тишина — тяжелая, как свинец. Фейра видела белые отблески задернутой занавески.

Все было так же, но что-то изменилось.

Фейра почувствовала почти что осязаемую угрозу, исходящую от ящика за занавеской, — нечто более ужасное и тревожное, чем все, что она видела в тот день. Она посмотрела на занавеску цвета смерти и пустое пространство неструганных досок между нею и занавеской и вслушалась в тишину. Её пронзил — резко и внезапно, писклявый, легко узнаваемый голос кизляр-агы, который спускался по трапу.

Потом последовал сильный толчок, и раздался крик, длинный канат с плеском упал в воду, запахло горелым тросом — корабль снялся с якоря. Судно накренилось, покачиваясь на волнах. Всё. Обратного пути не было.

Они вышли в море.